

Scarlett Johansson

XXIII.

Девушка с обожженным лицом открыла глаза. Она лежала связанная в темной комнате. Амулет Верности всё еще был на ней. Она вздохнула.

В комнату, еле слышно цокая когтями по линолеуму, вошла собака. Маленький терьер, с виду неопасный, но девушка знала, что это не совсем верно. Песик подошел к лежавшей на диване девушке, встал на задние лапы, понюхал ее лицо. Потом аккуратно лизнул в нос. Девушка улыбнулась. Песик удовлетворенно завилял хвостом и улегся около дивана. Тишина нарушалась только его сопением.

Девушку звали Луизиана. Сама она вспомнила об этом только вчера утром, после того как незнакомый бездомный мужик обездвигил ее заклинанием-тазером. Парализатор вступил в конфликт с Амулетом Верности, и Лу на четверть часа вернулась в себя из далей, в которых пребывала до этого.

Амулеты действительно предоставляли защиту. В них было заряжено несколько боевых заклинаний, ключ к Иммануилкирхе и пара других полезных вещей. Кроме того, они заставляли носителей беспрекословно подчиняться Иммануилу и его ученикам и запрещали делать или говорить что-либо, способное нанести великому колдуну вред. Это включало также любую форму общения с его врагами. Снятие Амулета неизбежно заканчивалось смертью его носителя. Амулет не блокировал чувства или мысли, но со временем притуплял их, а также волю, желания и даже память, будто всё больше и больше заворачивая их в плотное одеяло. Когда ее Амулет "перезагрузился" (Лу не смогла придумать более подходящего термина), все эти вещи к ней вернулись. Только после этого Лу поняла то, что знала уже очень давно.

Она ненавидела Иммануила.

В комнате зажегся свет, и вошел невысокий щуплый индус, одетый в застегнутую на все пуговицы рубашку, аккуратные, чуть ли не выглаженные брюки и домашние тапочки.

– Здравствуй, – сказал он девушке. – Меня зовут Акхил.

– Я не разговариваю с врагами Великого Иммануила, – заявила Лу. Каждое из этих слов вызывало у нее невероятный стыд, но даже покраснеть она не могла.

Индуc понимающе кивнул:

– Амулет Верности. Я приготовлю что-нибудь на завтрак. Ты голодна?

– Сдохни, тварь!

Акхил еще раз кивнул и отошел к холодильнику.

Лу окинула взглядом комнату, в которой оказалась. Больше всего она напоминала студенческий клуб, если бы вместо настольных игр студенты увлекались коллекционированием колдовского и огнестрельного оружия. Удобные диваны, на одном из которых она и лежала, пара ковров, развешанные на стенах карты. Лу вдруг явственно вспомнила свою досмещенскую жизнь, и ей захотелось заплакать, но из глаз не вытекло ни слезинки.

Индуc подошел к ней. В руках у него были стакан воды и бутерброд с сыром. Он помог Лу сесть, дал ей как следует напиться. Развязывать, впрочем, не стал.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, после того как девушка откусила и прожевала гигантский кусок бутерброда.

– Гори в аду со щупальцами! – ответила Лу.

Акхил еще раз кивнул – больше в такт своим мыслям.

– Меня весьма интересует твой Амулет Верности, – сказал он. – Сегодня мы попробуем его деактивировать, после чего ты будешь свободна. Я персонально не намереваюсь причинять вреда ни тебе, ни Иммануилу.

– Умри от проказы! – сказала Лу с надеждой.

– Моя гипотеза состоит в том, что Амулет Верности заставляет тебя говорить только определенные вещи. Интонация, тембр голоса – всё под контролем. Эмпирически, кивать и качать головой в ответ ты тоже не можешь. Но власть Амулета не беспредельна, иначе ты не была бы способна принимать воду и пищу из рук противника, то есть меня. Для начала, чтобы снять с тебя Амулет, нам нужно наладить хотя бы какую-нибудь коммуникацию.

– Лопни от чахотки! – согласилась Лу.

Акхил снова дал ей откусить от бутерброда и запить водой.

– Ты каждый раз говоришь разные вещи. Если бы колдовской блок стоял именно на выборе слов, он бы просто ограничивал твой вокабуляр до десятка нужных

выражений. Но в твоём случае формулировка более-менее свободна, ты только не можешь выражать словами смысл. Такую систему можно сломать, если перейти на другой уровень коммуникации.

– Тупой вонючий зомби! – не поняла девушка.

– Хорошо, попробуем. В следующий раз скажи мне только одно слово. Не важно, какое, но одно.

– Сволочь! – моментально отозвалась Лу.

– Отлично, а теперь четыре слова.

– Чтоб тебя драли осьминоги!

Индус заулыбался, словно ребенок, который верно ответил на сложный вопрос учителя.

– Теперь сделаем так. Если ты хочешь сказать "да", говори нечетное количество слов. Одно, три и так далее. Сами слова не имеют значения, только их количество. Если хочешь сказать "нет", говори четное. Понятно?

– Пойди съешь говна!

Индус рассмеялся.

– Ты себя хорошо чувствуешь?

– Мразота!

– Хочешь еще бутерброд?

– Спрыгни с башни!

Акхил вернулся с добавкой и полным стаканом воды.

– Понимаешь, – сказал он, – я очень слабый колдун. Колдовство кажется чем-то непостижимым, чуждым нашему пониманию. Но внутри него, как и внутри всего на Земле, есть логическая цепь. Я слабый колдун, но был хорошим физиком и инженером, и я понимаю, что логические цепи бывают уязвимы. И каждый раз, когда мне удастся взломать колдовство не силой, не брутфорсом, а логикой, я чувствую, что одержал важную победу над... – он замаялся. – Над этим.

Лу отлично его понимала. Чувство беспомощности преследовало ее всю жизнь, и каждое его опровержение было целительным бальзамом.

XXIV.

Собака проснулась, встала на ноги, завиляла хвостом. В комнату, заметно хромя, вошел мужчина. Одет он был в дырявый зеленый свитер и брюки карго. Он кивнул Акхилу, присел, ласково потрепал песика и лишь потом внимательно посмотрел на Лу. Только тогда она его узнала. На вид ему было за тридцать, светлые растрепанные патлы переходили в бороду. Нос прямой, щеки впалые, брови широкие, кустистые. Она удивилась его глазам: вчера утром они были темные, безжалостные, спокойные. Когда к ней вернулась способность удивляться, Лу очень удивилась, что человек с такими глазами не убил ее, как остальных. Сейчас же глаза были живые, настороженные, изучающие. В них были и надежда, и недоверие, и запредельная усталость.

Лу была готова влюбиться в человека с такими глазами, если бы ее гормональный фон не был жестоко подавлен. Будто услышав ее мысли, мужчина перевел взгляд на Амулет Верности. Эта жестяная табличка с выдавленными на ней рунами на коротком плетеном шнурке всегда казалась ей похожей на автомобильный номер.

Мужчина снова посмотрел ей прямо в глаза, взгляд его потеплел, и он сказал:

– Привет, меня зовут Аркадий.

– Сгинь в муках! – ответила Лу.

Акхил объяснил Аркадию их систему общения, и, к удивлению Лу, тот расхохотался. Это могло бы обидеть ее, но смех был искренний и заразительный, без насмешки и яда.

– Ты знаешь, как устроен твой Амулет? – спросил он, отсмеявшись.

– Подавись мочой!

– Э... ясно. Акхил, поможешь мне с этой штукой?

– Конечно, Арк.

Арк отошел к холодильнику, налил себе стакан воды и сделал бутерброд. Жадно съел, сделал еще один, съел его тоже. Достал из кармана завернутую в носовой платок косточку, дал собаке. Терьер с удовольствием в нее вгрызся.

– Подарок от Пшигоды, – сказал ему Аркадий.

Покончив с завтраком, он достал карандаш и большой лист линованной бумаги, разложил его на ближайшем верстаке.

– Что мы знаем об Амулетах Верности? – спросил он.

Знали они только общие вещи, и Лу тут могла помочь лишь немногим. Все Амулеты Верности делались колдунами по-своему, не было единой схемы или лекала. Общим было одно: нельзя было снять такой Амулет с человека, не убив его при этом.

– А эти предметы исключительно через голову функционируют? – спросил Акхил. – Что если мы удлиним шнурок и снимем Амулет через ноги?

– Слишком рискованно, – сказал Аркадий. – Заклинание всё равно может сработать. И тогда всё что угодно, от потери ноги до смерти.

– Да, наверное, – сказал Акхил.

– Но с удлинением идея хорошая. У меня, кажется, есть идея. Давай посмотрим.

Оба они, как врачи на консилиуме, склонились над связанной Лу и стали изучать строение шнурка, на котором висел Амулет. Аркадий чуть заметно пах потом и мятой одеждой. Индус не пах ничем. Шнурок был сплетен из трех одинаковых черных бечевки, каждая толщиной не больше электрического провода. Такими их сделал Иммануил, после того как пара миньонов лишилась голов, случайно зацепившись и порвав предыдущие, более простые варианты.

– Скажи, пожалуйста, – обратился Аркадий к Лу, – а можно разрезать или порвать только одну из этих веревочек, не активируя заклинание?

Лу задумалась, вспомнила пару случаев, потом сказала:

– Помрите от поноса!

– Что ты предлагаешь? – спросил Акхил у Арка.

– Разрезаем по одной, привязываем кусок бечевки подлиннее, заплетаем обратно. Таким образом можно удлинить шнурок на пару метров.

– А потом что?

– Когда-то я ходил на лекции по топологии. Когда еще учил математику, а не был учеником чародея.

Ахил усмехнулся.

– Лектор задавал нам загадку с картиной и двумя гвоздями, – продолжил Арк. – Подожди, лучше это показывать.

Аркадий поискал в комнате, а потом просто вытянул длинную нитку из своего свитера и связал ее концами, превратив в большую петлю.

– Вытяни два указательных пальца, вот так. А теперь представь, что это два гвоздя, и ты хочешь повесить на них картину. Картиной будет узелок. Но повесить ее нужно так, чтобы на двух гвоздях она висела, а если убрать любой из них – упала бы. Попробуй-ка.

XXV.

Ахил покрутил петлю в руках так и эдак.

– Если убрать один палец, картина остается висеть на втором, – сказал он.

– Верно. А теперь смотри.

Арк надел Ахилу нитку на левый палец, сложил ее, обернул вокруг правого и, чуть повернув, снова надел на левый.

– Теперь убери один палец.

Ахил осторожно убрал правый. Нитка упала на пол.

– Ты ни разу не снял нитку с левого пальца, но она всё равно оказалась на него не надета, – сказал Арк. – И она держится, но только пока не снимешь ее со второго.

– Я не знаю. По факту ты все-таки снимаешь. Вот, смотри...

Оба заспорили.

– Два полных придурка! Вы оба сдохнете! Во славу Иммануила! – сказала Лу.

– Три раза "да". Она готова рискнуть.

Для начала они удлиннили шнур, державший Амулет. Акхил принес откуда-то огромные ножницы и кучу старых шнурков от ботинок. Очень аккуратно, стараясь не повредить остальные, они по очереди разрезали каждую из трех бечевков, чуть расплели их, привязали новые, заплели и завязали обратно. Первый раз было страшно, а на третий у Лу и вовсе так сжались пальцы в кулак, что костяшки побелели, а ногти проткнули кожу, но всё обошлось. Шнур удлинился метра на два и оброс гирляндой узелков.

– Теперь нам нужна еще одна голова, – сказал Арк. – Которую не жалко.

Акхил кивнул, опять вышел и вернулся с безруким торсом резинового манекена.

– Это Норм. На нем мы проводим эксперименты с новыми заклинаниями и приемами, – пояснил он. – Ему уже всё равно.

Акхил и Арк посадили Лу и Норма спиной к спине. Арк дотронулся до Амулета. Тот тревожно завибрировал.

– Дай-ка я, – сказал Акхил. – У меня есть защита.

Он порылся в ящике верстака и явил на свет пару детских перчаток. Точнее, парой они как раз не являлись: одна перчатка была зеленая и на левую руку, а вторая, на правую, была розового цвета и оторочена мехом. Они с трудом налезли даже на тонкие руки Акхила, но было видно, что колдовскую защиту они дают что надо.

Арк еще раз медленно показал фокус с ниткой от свитера. Акхил осторожно взялся за шнурок Амулета. Между ним и варежкой мелькнула фиолетовая искра, но вибрация была заметно меньше. Так же аккуратно, будто убаюкивая змею, Акхил сложил шнурок вместе и обернул его вокруг шеи Норма.

Лу изнутри превратилась в ледяную статую. Ей хотелось плакать, хотелось дрожать, хотелось не сидеть сейчас связанной в этой комнате. Очень хотелось писать. Акхил бережно раздвинул сложенный шнурок, под строгим наблюдением Арка повернул его и надел на голову Лу.

Ничего не произошло. Все немного выдохнули. Топологически выходило, что Амулет больше на Лу не надет, но ни Лу, ни сам Амулет пока в это не поверили.

Одним быстрым движением Акхил вынул Норма из петли шнурка. Арк зажмурился. Раздался резкий хлопок, и в лицо ему полетели какие-то ошметки. Он открыл глаза и увидел безголовый манекен, Акхила в дымящихся детских перчатках, Амулет на полу и Лу, пораженно сидящую на диване. Живую. Живую! Арк взял ножницы и разрезал веревки на руках и ногах девушки.

– Мерзкие, мерзкие суки, – сказала Лу.

– Не получилось? – упавшим голосом спросил Арк.

– Я думаю, это не про нас, – ответил ему Акхил и улыбнулся.

Девушка наконец расплакалась.

XXVI.

– Что тут у вас происходит? – спросила Пилар, которая только что вошла в комнату. Она окинула удивленным взглядом двух мужчин, рыдающую девушку, собаку и безголовый манекен.

Слезы лились из глаз Лу потоком, вперемешку с хохотом, и она никак не могла остановить ни то, ни другое. Левая часть ее лица горела болью. Поначалу Лу решила, что это ее задело взрывом головы Норма. Потом вспомнила.

– Пойдем, милая, – сказала Пилар, сориентировавшись в ситуации. – В туалет, умоем тебя.

Лу встала и с трудом пошла вместе с этой уверенной в себе женщиной по коридору. Собственные движения казались ей странными, будто она очень давно отлежала себе всё тело и только теперь кровь потекла по ее сосудам в полную силу.

Она тщательно умылась, стараясь как можно меньше трогать ноющую щеку, а потом подняла голову от раковины и посмотрела в зеркало. Всё было хуже, чем она думала.

Правая сторона ее лица была привычной. Карие глаза, тонкие черты лица, чуть вздернутый нос, две родинки-близняшки между глазом и бровью. Короткие, криво стриженные светлые волосы, аккуратное, чуть оттопыренное ухо. Левая же сторона превратилась в распухшее, оплавленное месиво. Ожог, жесткая скукоженная масса, начинался чуть ниже глаза и заканчивался на подбородке. Лицо саднило, говорить, смеяться, даже дышать было неприятно. Слезы текли из глаз и оставляли на левой стороне лица дорожки кислотной боли.

– Мы тебя отведем к доктору, – мягко сказала Пилар. – Может быть, это удастся исправить. Это мы тебя так?

– Нет. Иммануил.

Вчера утром великий колдун был вне себя от ярости, когда узнал о смерти Бартоломью. Лу была единственной, кто выжил. Он подлетел к ней, подавляющий, трехметровый, божественно красивый, с глазами, пылающими, как предзакатное солнце, и коснулся перстом ее левой щеки. Вспышка белого огня и слепящая боль, которую, впрочем, быстро погасил Амулет. Иммануил посмотрел на дело рук своих и взглядом остановил, прижег кровь, заживил рану, но оставил шрам и уродство. Так и не сказав Лу ни слова, он улетел прочь.

Они вернулись в комнату, которую Пилар назвала кают-компанией, где Аркадий и Акхил ковыряли Амулет. Очень осторожно, стараясь не разрушить его, они разбирали тонкую сеть нанесенных на него заклятий.

– ...мастерская работа, – говорил Акхил, когда Пилар и Лу вошли в комнату. – Надо признать, великий колдун – это великий колдун.

Аркадий жестом показал на вошедших, и всё внимание переключилось на Лу.

– Меня зовут Луизиана, или Лу. – сказала она, решив, что стеснение и робость неуместны. – До Смещения я была студентом по обмену в школе дизайна. После, из страха и желания спастись, я стала миньоном Иммануила. Это была жестокая и необычная участь. Вы меня от нее спасли. Я всегда буду за это вам благодарна. Спасибо.

Все представились ей еще раз, хотя необходимости в этом и не было, просто чтобы заполнить образовавшуюся паузу.

– Это ты пустила молнию минут за пять до засады на Грейфсвальдер-штрассе? – вдруг спросил Аркадий.

– Да. С этой штукой, – Лу кивнула на лежавший на столе Амулет Верности, теперь такой непримечательный и неопасный, – сделать это было сложно. Я очень старалась споткнуться и упасть так, чтобы случайно, от боли выпустить накопленный заряд молнии.

– Это, скорее всего, и спасло наши жизни, по крайней мере мою, – просто сказал Аркадий. – Ты ничего мне не должна.

– Благодарность – это не долг, – улыбнулась Лу, хотя к ее глазам опять подступали слезы.

В комнату вошел Пшигода в необъятном халате. Даже сейчас, сонный, помятый, он передвигался почти бесшумно. Просто вдруг возник позади девушки. Она вскрикнула, попятилась, споткнулась и чувствительно упала на пятую точку. Он,

конечно, отличался от вчерашнего ночного монстра, который голыми руками покалечил нескольких из миньонов Иммануила, но в глазах его всё еще виднелся отголосок той бури.

Вошедший крайне смутился. Его и без того красная рожа побагровела. Он пробормотал пару слов извинений и помог Лу встать. Его маленькие темные глазки при этом летали по комнате, собирая информацию, анализируя, запоминая. Рука его на ощупь напоминала буррито, наполненное свинцом.

– Ирджих, – сказал он.

Лу догадалась, что этот непонятный набор звуков, очевидно, означал его имя. Она оправилась от испуга, вежливо кивнула и также представилась ему. Пшигода был немного известен в Пренцлауэр-Берге, и слухи о нем ходили страшные. События вчерашней ночи их только подтвердили.

– А ну, кому подарков? – раздался веселый скрипучий голос, и в кают-компанию въехал мерзкий мутировавший старик на электрическом кресле. На коленях у него лежала небольшая, но с виду тяжелая коробка. В комнате сразу стало тесно.

– Отлично вы вчера повеселились, ребята! – сказал старик. – Пшигода мне начал рассказывать о ваших приключениях, так я чуть со смеху не помер. А это кто? – толстый палец Серба ткнул в сторону Лу. Она было попыталась заново начать ритуал представления, но ее опередил Ирджих.

– Это бывший миньон Иммануила, – быстро сказал он. – Я еще до этого не дошел. Вчера вечером по дороге домой они напали на нас. Напали первыми. Пришлось защищаться. Мы убили нескольких, и еще мы убили Мельхиседека, который был с ними. Ее взяли в плен, а с утра эти двое гениев додумались, как снять с нее Амулет.

Сальный, вязкий, изучающий взгляд глубоко посаженных глаз старика, казалось, облепил Лу, пригвоздил к месту. После долгой паузы инвалид проскрипел:

– Вы убили Мельхиседека.

– Он напал на нас. Я...

– Не хочу слышать. Я над политикой. Я не вмешиваюсь в политику. И вам запрещаю иметь с ним, – палец-сосиска нацелился на Аркадия, и тот вздрогнул, – ничего общего. Он будет вести войну с великим колдуном и сдохнет как собака, – на эти слова Серба маленький терьер поднял голову в безмолвном вопросе, а старик продолжал: – Если мы будем его поддерживать, это нас ослабит или

уничтожит. Вы, – на команду антикваров старик даже смотреть не хотел, – больше не будете ему помогать. Это мое последнее слово. Пилар, уведи девчонку в лазарет. И не приводи обратно. Это не моя проблема.

Пилар взяла Лу за руку, и обе они вышли из комнаты.

XXVII.

– Теперь ты, – Серб злобно вперился в Арка. – Я знал, что рискую, приглашая тебя в команду. Но посчитал риск оправданным. Это больше не так. Вот твоя доля, – он грохнул картонной коробкой, лежавшей у него на коленях, об стол. Та была забита небольшими побрякушками из вчерашнего сундука. На вид там было меньше одной десятой, но стоимость этих вещей всё равно была огромной, коробка пухла от распирающей её колдовской энергии.

Арк не стал торговаться о количестве, просто сказал:

– Мы договаривались о чем-то помимо денег. Мне нужна информация.

Серб осклабился:

– К твоему сожалению, большая часть моей информации была обесценена. Я, конечно, могу рассказать тебе, где жил Мельхиседек, правая рука Иммануила, кем он был раньше и где его можно подкараулить в одиночестве. Но что-то подсказывает мне: со вчерашнего вечера ценность этих знаний слегка упала.

– Ты сказал "большая часть информации". Что насчет остального?

– Выйдите, ребята.

Пшигода и Акхил послушно вышли.

Когда старик и Арк остались наедине, лицо Серба заметно потеплело.

– Значит, вы с Акхилом додумались, как снимать Амулеты Верности? Это интересно. Это само по себе чего-то стоит. Запоминай, в общем. У Иммануила есть третий ученик. Бартоломью и Мельхиседек, мир с ними, постоянно проводили время на Алексе, и об их жизнях я знаю довольно много. Гастон же... Он стал учеником недавно, лишь полгода назад. До этого был антикваром и наемником на Цоо, а там мои контакты послабее. Парень способный, но опыта у него немного. Ему все еще... власть в голову бьет. Двое других – у них это чувство вседозволенности отыграло уже, они подуспокоились. А этот... В общем, он часто

в Кройцберге развлекается. Есть два места: "Капля воска" и "Щелчок". Не знаю, продолжит ли он туда ходить после вчерашнего... Это всё, что я о нем знаю.

– Спасибо, – сказал Арк.

– И еще. Я сегодня ближе к вечеру пойду к Иммануилу. Что, мол, ничего не знал, не понимаю, как это вышло, что тут можно поделаться, и всё такое. Это мой сосед ближайший, понимаешь? Ссориться с ним мне нельзя. Валить всё буду на тебя.

– Хорошо.

– Пока можешь себе оружие и шмотки взять: всё, что найдешь, твое. А с завтрашнего дня ты у меня не показываешься и ни с одним из моих людей не встречаешься, вообще.

– Понял.

Серб уже почти выехал из комнаты, как обернулся и добавил:

– На публике.

Арк кивнул. Следующие полчаса он копался в кладовке, подбирая себе защитную одежду. В конце концов остановился на спортивной кофте с капюшоном и тяжелой куртке аляске с массой карманов. Выбрал рюкзак и сумку через плечо. Переложил свою часть добычи туда, набрал еды. Пошарил на полках с оружием, закинул несколько вещей в рюкзак. Набил карманы патронами к револьверу.

В комнату вошли Пшигода с Акхилом, тихие, пристыженные. Они попрощались, и Арк, не оглядываясь, вышел из катакомб Серба на улицу вместе со своим четвероногим другом.

День выдался промозглый, серый. Моросил дождик, вышка телебашни пряталась в туче. Арк присел и потрепал Кармана за ухом.

– Ну что, снова одни?

– Не одни, – раздался веселый голос.

Над ним стояла Лу и улыбалась – немного криво, но искренне. Шрам на ее лице никуда не делся, но врач Оксана успела поколдовать над ним, сняв боль, припухлость и красноту. Девушка смотрела на Арка светлым, спокойным взглядом карих глаз.

– Поможешь нам? – спросил он, догадываясь об ответе.

– Пойдем уничтожим этого мудака, – сказала она.

XXVIII.

Лу вышла погулять с Карманом. Со дня ее освобождения прошло уже около пяти недель, и всё это время они с Аркадием провели, планируя и готовясь. Они жили в двух тесных комнатах посередине высокого дома на окраине Александрплатц. Питались в одной из общих столовых, по площади старались ходить как можно меньше, не выделяться в толпе. Прогулки с собакой были важной частью работы Лу, которую они наметили. Помимо этого, она рисовала и наполняла силой различные руны, а также совершала вылазки в зону Иммануила. Там она и еще пара нанятых Аркадием специально для этого бродяг наносили руны на дома согласно специальной схеме. Аркадий называл это "хакерской атакой". Граффити они с ним разработали вместе. Это должно было быть слово или несколько слов, что-то относительно известное и с большим количеством повторяющихся букв. Перебрав в памяти разные некогда популярные музыкальные группы, они перешли к актерам и актрисам. Так на свет появилась Скарлетт Йоханнссоон. Руны были делом тонким и неочевидным. Они работали лучше, когда повторялись, а еще лучше, когда повторы шли подряд. Двойные "t", "n" и "s", перенесенные как часть "*Scarlett Johansson*" на стену дома, скрывали руны различного назначения: первые откачивали у дома небольшую, едва заметную часть колдовской энергии, вторые, как антенна, по сигналу пересылали эту энергию Аркадию, а третьи могли при необходимости усилить оба этих эффекта. Двойную "o" оставили про запас.

Лу с Карманом прошли по длинной засаженной деревьями дорожке, которая оканчивалась высокой оградой. За ней начинались Карл-Маркс-аллее и Река Гнили. Отсюда открывался неплохой вид на Александрплатц, набитую людьми, заставленную сараями, палатками и старыми, полусгнившими домами на колесах, всегда шумную и веселую. Лу любила ходить именно сюда. Работа продвигалась своим чередом. Слова "*Scarlett Johansson*" появлялись на домах зоны Иммануила по десятку в день. Лу работала в основном ночью, по утрам гуляла с собакой и ложилась спать. В Пренцлауэр-Берге ей помогал муляж Амулета Верности, который ей сделал Акхил. Все трое антикваров заходили к ним в гости, и поодиночке, и все вместе, делились сплетнями и помогали по мелочам, а то и просто приходили посидеть-поговорить. Лу неожиданно для себя поняла, что полюбила всех троих, и друзей лучше них у нее не было очень давно. А Аркадий... оставался Аркадием.

Она влюбилась в него довольно быстро. Не говорила об этом напрямую, но и не сильно скрывала. Один раз, немного выпив, попыталась поцеловать его. Он отстранился – мягко, словно извиняясь. "Это из-за шрама", – решила тогда Лу и с тех пор больше ни разу так не делала.

Но дело было не в шраме и вообще не в Лу, по крайней мере не только в ней. Аркадий вообще был отстраненным, сфокусированным на чем-то своем, не только с ней он вел себя так, с другими тоже. Поначалу Лу думала, что дело в его желании отомстить Иммануилу. Ненависть и жажда мести грызли ее, и она тщательно искала их и в своем соратнике. Но они часто говорили об Иммануиле, и Аркадий никогда не высказывал в отношении него ничего подобного.

Не доходя буквально пары шагов до дома, Лу столкнулась с Ирджихом. Она до сих пор очень робела перед ним, перед его живой силой и напором. Пшигода улыбнулся, аккуратно пожал ей руку, погладил Кармана.

– Я к вам, – сказал он. – Есть новости.

Сердце Лу на секунду замерло – начиналось то, чего она так ждала и в то же время тайно боялась.

Они вместе поднялись на четвертый этаж. Пшигода подождал, пока Аркадий разольет всем чай, и сказал:

– Гастона видели ночью в Кройцберге.

– Что он делал? – жадно спросил Арк.

– Как обычно, "Щелчок", несколько часов.

– Он возвращается к старому циклу. Значит, завтра опять будет "Щелчок", а послезавтра "Капля".

– У вас два дня, – сказал Пшигода и посмотрел на Лу. – Удачи.

"Капля воска" и "Щелчок" – это два небольших, но эксклюзивных борделя в центре района Кройцберг. Точнее, они были не обычными борделями, а местами, где при помощи колдовства клиенты могли удовлетворить абсолютно все свои потребности – даже те, о которых не догадывались сами. "Щелчок" содержала Богиня Лилия – колдунья, способная манипулировать нервными окончаниями. Она притупляла или усиливала ощущения у работниц и клиентов борделя, что позволяло последним расширить свой кругозор о возможностях организма. До убийства других учеников Иммануила Гастон ходил туда два раза в неделю, два

дня подряд. На третий день "Щелчка" ему становилось мало, и он шел в "Каплю воска". Ее посещения хватало до следующей недели.

"Каплю" содержал пожилой колдун Карстен – в прошлом довольно известный зоолог. Его коньком были метаморфозы тела. Он превращал клиентов в животных, после чего они делали что хотели, а заранее морфированные служители и служительницы "Капли" угождали всем их капризам, вплоть до наиболее кровожадных. Последние несколько недель Аркадий проводил там почти каждый вечер. Лу не спрашивала, чем он там занимается, но возвращался он оттуда еще более молчаливым и замкнутым.

Все увеселительные заведения Кройцберга охранялись великим колдуном Этвасом Андересом. Шанса пронести какое-то оружие в "Щелчок" у Аркадия не было. Но Карстен был с Андересом в ссоре, из-за чего в "Капле" охрана была расслабленной. Это и было шансом для Арка и Лу. План состоял в том, чтобы обезвредить Гастона в борделе и той же ночью, чтобы Иммануил не успел перегруппироваться, напасть на Иммануилкирхе.

Пара дней прошли в нервных приготовлениях. Лу проверяла сеть Скарлетт Йоханнссоон, гуляла и играла с Карманом и вместе с Ахилом дорабатывала оружие. Арк в основном перепроверял ее проверки и нервничал. Днем Д оказалось дождливое восемнадцатое ноября.

XXIX.

Арк добрался до Кройцберга на велосипеде минут за двадцать. В десять часов вечера город был пуст и темен. Кройцберг, как обычно, был окутан зеленым туманом, в котором тонули дома и растворялись деревья. То и дело слышались крики особых, водившихся только здесь ночных птиц. Арк привязал велосипед у "Капли", запер его заклинанием, защитил от морозящего дождя другим. Бордель находился в большом некогда жилом доме на Коттбусер Тор. Окна его были закрыты плотным черным материалом. В доме убрали почти все стены, превратив его в пятиэтажный темный ангар. Также там всегда нестерпимо пахло хлевом.

Арк достал Кармана из рюкзака и прицепил ему длинный, инкрустированный стекляшками поводок. Карман специально для этой операции был заботливо вымыт, вычесан и даже опрыскан какой-то гадостью с приятным запахом. Арк оглянулся, активировал грим-брошь и вошел внутрь.

Охранник на входе радостно поприветствовал завсегда – жеманного, хорошо одетого и покрашенного мужчину с бриллиантовым глазом и тоннелями в ушах по последней шарлоттенбургской моде.

– Познакомься, Ханс, это Фи-фи, мой... друг на сегодня, – сказал Арк.

Карман, вживаясь в роль Фи-фи, радостно завил хвостом.

Внутри помещения были бархат и кожа. Плотные занавесы скрывали происходящее за ними от людских и божьих глаз, но запахи и звуки они скрыть не могли. Больше всего бордель напоминал вольер с обезьянами посередине зоопарка, в котором почему-то открыла филиал Венская королевская опера.

Карстен подошел к Арку и услужливо поклонился. За последний месяц Арк оставил у него столько денег, что улыбка старого хрыча чуть подрагивала, а в уголках рта копилась слюна.

– Я сегодня со спутником, – показал Арк на Кармана. – Это собака моего давнего недруга, и сегодня я проведу шикарный сеанс мести.

– Как пикантно! – воскликнул Карстен. – У нас, конечно, не принято приходить со своими... развлечениями, но для такого случая, думаю, мы можем сделать исключение. В кого будете превращаться?

– Разумеется, в орангутанга.

Карстен достал толстую красную свечу, поджег ее, дал воску капнуть на лоб Арка и произнес заклинание. По телу Арка пробежала уже знакомая рябь. Карман залаял от неожиданности. К этому трудно было привыкнуть. Метаморфоза оказалась неприятным физиологическим процессом, похожим на ускорившееся в миллион раз половое созревание. Тело резко изменялось, отовсюду начинали расти волосы, обострялись чувства, в голове появлялись лишние мысли. Орангутангу Арку хотелось есть, хотелось быть на улице, его пугали эти люди и антураж, ему не нравилось, как его держали за лапу. Но особенно хотелось секса, что и объясняло популярность заведения Карстена. Усилием воли Арк заставил себя сконцентрироваться на главном. Его вместе с Карманом отвели в один из огороженных плотными занавесками вольеров. Одежду Арка положили на кресло. Также там находились матрас, стопка полотенец, ведро с водой, кормушка и столб, к которому можно было кого-то привязать. Почему-то именно вид этих пустых пропахших страхом комнатшек причинял Арку наибольший дискомфорт. Он скосил со лба остывший кругляш воска с отпечатком пальца Карстена и превратился обратно в человека. Его вырвало, потом еще раз. Он вытерся и

оделся. Всё это было в этом месте в порядке вещей. Арк еще раз активировал грим-брошь и замаскировался под одного из охранников "Капли".

Присев, Арк открыл Пасть. Достал оттуда револьвер, наручники и носок. Носок принадлежал Гастону – Арк купил его за немалые деньги несколько недель назад у одного из местных работников. Карман, всё еще удивленный произошедшим с хозяином, послушно понюхал носок, вышел из вольера и пошел искать. Он нюхал каждую занавеску, неуверенно вилял хвостом и брел дальше. Наконец остановился у одной. Арк осмотрелся и резко вошел внутрь.

Оргазм свиньи, как известно, может длиться до получаса. У Арка не было столько времени. Он подошел к визжащей от удовольствия хавронье и снял с ее лба восковую метку.

Арк впервые увидел, как метаморфоза происходит с кем-то другим, и его снова чуть не вырвало. С еле слышным хрустом костей всё тело свиньи сжималось и крутилось, под стремительно бледнеющей кожей ходили ходуном суставы и сухожилия. Через несколько секунд вместо животного на полу вольера лежал волосатый голый мужчина. Он попытался встать, но Арк ткнул ему в лицо револьвер.

– Не шевелись. Почувствую колдовство – убью на месте.

Мужчина замер. Его багровое, в крупных каплях пота лицо внезапно побледнело. Арк защелкнул наручники у него за спиной.

– Что ты знаешь о Нигоше?

– Ничего, – торопливо начал Гастон. – Когда он исчез, я...

Снаружи вдруг исчезли все звуки и запахи, словно их с Гастоном накрыли стеклянным стаканом. Одновременно с этим тяжелый бархатный занавес распахнулся. Снаружи вольера стояли Карстен, два охранника и невысокая, по плечо остальным фигура. Арк с удивлением обнаружил, что смотрит на четырнадцатилетнего мальчика, совершенно непримечательного, за исключением пугающих глаз пронзительно-оранжевого цвета, без радужек и зрачков. Арк стоял лицом к лицу с великим колдуном Этвасом Андересом.

XXX.

Не считая Нигоша, Андерес был первым из встреченных Арком настоящих колдунов и, без сомнения, самым могущественным. Даже учитывая обычную экстравагантность их облика и поведения, он был очень странен. Оранжевые глаза без зрачков пугали, но не больше, чем тело подростка. Или голос.

– В нашей Изнанке мне только четырнадцать лет, – сказал колдун звонким мальчишеским фальцетом. – Поэтому люди часто думают, что я отношусь к своим подданным как к игрушкам. На самом деле я вижу Кройцберг садом, в котором растут все мои цветы. Даже такие колючие, как Карстен. Я даю им расти самостоятельно, но сад нужно защищать.

– Я не покушаюсь на твой... на ваш сад, – сказал Арк. Костяшки его пальцев на рукоятке револьвера побелели. – Мне нужен только этот человек. Я возьму его и тихо уйду.

– Это Гастон, – сказал Андерес, изучающе рассмотрев голого пленника. – Ученик Иммануила. Что ты будешь с ним делать?

– Мне нужна информация. И мне нужно вывести его из игры, хотя бы на сегодня.

– Я не могу позволить тебе забрать его. У заведений Кройцберга и у меня есть определенная репутация. Среди прочего мы гарантируем и безопасность для гостей.

– Я понимаю, – сказал Арк. Глаза Карстена и его охранников внимательно отслеживали каждое его движение. – Я могу заплатить.

– Деньги не имеют значения.

– А что имеет?

– Репутация. Власть. Любовь, – из-за тембра голоса Андереса эти слова казались шуткой, но он произнес их абсолютно серьезно. Нужно было идти ва-банк.

– Вы можете убить меня прямо сейчас, – произнес Арк, а колдун кивнул и улыбнулся в ответ. – Но, – продолжил Арк, – после этого ничего не изменится. А можете сделать инвестицию.

Бровь мальчика филигранно поползла вверх. Арк почувствовал укол зависти.

– Если Гастон расскажет мне то, что я хочу знать, и если сегодня он будет... не у дел, ночью я убью Иммануила и захвачу власть в Пренцлауэр-Берге, – заявил Арк.

Вторая бровь Андереса присоединилась к первой.

- Какие же у этого мероприятия шансы на успех? – задал он вопрос Арку.
- Как у любого стартапа – невысокие. Зато успех головокружителен.
- Власть над Пренцлауэр-Бергом... Что же ты предлагаешь мне?
- А что бы вы хотели за эту необременительную, но важную для меня услугу?

Андерес улыбнулся еще раз – шире, хищнее.

– Аркадий Колесничий, – сказал он. – Управляющий колесницей. Это хорошее имя, а я верю в имена. Ты сумел меня заинтересовать своим предложением.

– Иммануил!.. – закричал Гастон, пораженный произошедшим, но получил от Карстена сильный и быстрый удар по голове и затих. Андерес не обратил на это никакого внимания, не отрывая оценивающего взгляд от Арка.

– Ты отлично понимаешь, что мы говорим не только о сегодняшней ночи. После всего, что Гастон услышал, он должен будет замолчать навсегда, – произнес Андерес.

– Мне не важно, что с ним случится после.

– А если он будет мстить тебе?

– Не будет. Он наемник. И когда я убью Иммануила, он и близко ко мне не подойдет.

Андерес кивнул, потом поманил Арка пальцем. Тот пригнулся, и колдун долго шептал ему что-то на ухо. Арк распрямылся, глубоко задумался.

– Я согласен на первые два условия, – наконец сказал он. – Я не могу пойти на третье. Вместо этого я предлагаю... Если я действительно убью Иммануила и захвачу его место, я буду у вас в долгу и готов ответить услугой за услугу.

– Очень благородно, – улыбнулся Андерес. – Как я и ожидал. Я согласен. У тебя есть час, чтобы выбить из Гастона всё, что тебе нужно. После этого оставь его прикованным к столбу и уходи. Тебя никто не остановит. Если ты переживешь сегодняшнюю ночь, мы еще встретимся.

Андерес, Карстен и охранники вышли, но купол тишины остался. Арк взял ведро воды, вылил на Гастона и сел на пол рядом с ним. Ученик Иммануила, отплеываясь, очнулся.

– Ты что-то начал говорить про Нигоша, – сказал Арк.

Через полчаса Арк уже со всей силы крутил педали велосипеда. До начала атаки на Иммануила ему срочно нужно было зайти домой и поговорить с Лу. Допрос Гастона был полезен с тактической точки зрения. Он рассказал всё: сколько у Иммануила осталось миньонов, кто из них представлял опасность, насколько близко Иммануил был связан с семейством Лихтенхерц, какие уязвимые места есть у Иммануилкирхе. Всё это было крайне важно, и Арк не жалел о цене, которую он пообещал Этвасу Андересу за эту информацию. Единственное, что его расстраивало – Гастон ничего не знал о том, кто и как похитил Хозяина.

XXXI.

– Я должна была убить его, – сказала Лу. Она не была рассержена, скорее растеряна. – Должна была.

– Он так и так не доживет до утра.

Девушка ничего не ответила и пошла собираться. Арк снял одежду "Жюля-извращенца", как он прозвал свой образ, и пошел умыться. После посещения "Капли" ему всегда хотелось запереться в ванной на несколько лет. Когда он вышел, то увидел, как Лу тихо, беззвучно плачет, сидя на диване. Чувствуя себя беспомощно и глупо, Арк подошел, сел рядом. Положил ей руку на плечо, и девушка сразу обняла его. Всё ее тело дрожало от рыданий.

– Сколько людей ты убила в своей жизни? – спросил Арк через несколько минут, когда всхлипывания прекратились.

– Нисколько, – ответила Лу. – Но именно этого очень хотела.

– Не стоит начинать, – сказал Арк. – Тебе повезло, на самом деле. Я не помню первого человека, которого я убил.

– И будешь убивать еще.

– Да. Как и Пшигода, как и Пилар.

– И Акхил.

– Скорее всего, да. Но ты не обязана. Поэтому я согласился на твою безумную идею. Мне не жалко иммануиловцев, но мне жалко тебя.

Лу улыбнулась сквозь слезы. Она была очень красива. Арку захотелось поцеловать ее, но что-то внутри него болезненно сжалось. "Не время, – решил он. – Сначала нужно сосредоточиться на деле". Они еще немного посидели, и Арк пересказал девушке всё, что узнал от Гастона. То, что Лу знала сама, она подтвердила, явного вранья в показаниях Гастона не нашла. Обговорив последние детали плана, они пошли экипироваться.

Очень важно было защитить Кармана. Арк специально провел несколько дней на разных базарах, разыскивая что-нибудь подходящее, и наконец нашел – кожаный ошейник с полустертым жетоном. Ошейник был великоват, но защиту давал изрядную. Затягивая его на шее песика неожиданно непослушными руками, Арк ласково гладил Кармана по вислым ушам и холке, стараясь, чтобы волнение не передалось собаке. Карман же был счастлив: он любил Арка и любил Лу, которая старательно гуляла и дружила с ним всё это время, и вот они все вместе куда-то собираются! Арк знал, что всё готово, все ловушки расставлены и всё оружие проверено и заряжено, он знал: когда дойдет до дела, его волнение улетучится и останутся только уверенность и напор, но всё равно переживал.

– Держи, – Лу вошла в комнату и бросила ему кофту. На ней красивой аккуратной вязью было выведено: "*Scarlett Johansson*". Лу, Арк и Акхил работали над этой кофтой больше двух недель, но основная работа все-таки легла на плечи девушки. Надпись была прекрасной и четкой. Арк погладил ее рукой и улыбнулся.

– Готов? – спросила Лу.

– Нет, – сказал он, и девушка улыбнулась в ответ.

XXXII.

Высокого человека в массивной куртке и с собакой заметили в небольшом парке на Хельмхольцплатц, минутах в двадцати ходьбы от Иммануилкирхе. Два миньона, совершавшие ночной патруль, зябли под дождем в своих бесформенных балахонах и больше всего мечтали о том, чтобы оказаться дома, в бараке при кирхе, уснуть на жестких, но таких знакомых матрасах и чтобы весь экшн выпал на долю кого-нибудь другого.

– Глянь, – сказал миньон Павел, указав соратнику на две тени, что-то ищущие в парке, большую и очень маленькую.

– Ну что, это он?

– А кто?

– Kurva, – смачно подытожил миньон Ульрих, который за время дружбы с Павелом поднабрался хлестких польских словечек. – Ну, давай.

Миньон Павел выпустил из руки синюю молнию в сторону теней, а миньон Ульрих со всей силы дунул в висевший на груди рядом с Амулетом Верности жестяной свисток. Вся площадь оживилась этим залившимся свистом, его сразу подхватили в соседнем квартале, а затем дальше и дальше, разнося по всему Пренцлауэр-Бергу, собирая, подзывая подмогу.

Молния попала в мужчину, бессильно скользнула по его куртке и ушла в землю. Его пес, маленький сердитый терьер, яростно залаял. Мужчина достал из кармана револьвер, выстрелил в миньонов, промазал и кинулся наутек.

Миньоны посмотрели друг на друга. Ульрику было лет тридцать, он был поджар и мускулист. Павелу перевалило за шестой десяток, он обрюзг, и его балахон топорщился на заметном брюшке. После этой напряженной, но молчаливой беседы Ульрик чертыхнулся и припустил за беглецом, а Павел стал кидать молнии, поджигая вершины деревьев и озаря тихую темную площадь ослепительными синими и оранжевыми вспышками, словно полицейская машина. На площадь начали выбегать новые миньоны. Большая охота, к которой все готовились уже несколько недель, началась.

Мужчина и собака бежали уверенно и быстро. Ульрих метнул им вслед пару молний, но промазал и тоже сосредоточился на беге. Главное было не дать им убежать слишком далеко на северо-запад, где начинался район Гезундбруннен – зона другого колдуна. Ульрих бежал и иногда швырял молнии в крыши домов, чтобы Павел и остальные могли следить за его передвижениями.

Беглецы неожиданно и резко свернули налево. Ульрих краем уха уже слышал за собой подмогу, поэтому остановился и крикнул во весь голос: "Паппельаллее! Обходи!" Часть бежавших сзади миньонов затормозили и бросились в обход по параллельной улице. Паппельаллее была длинной и прямой, сворачивать с нее было некуда, и можно было попробовать взять преследуемых в клещи.

Убегающий мужчина вдруг метнулся в сторону, подхватил собаку на руки и перемахнул через забор. Ульрих резко затормозил. За забором находилось полузаброшенное кладбище. Это было опасное место, полное колдовской силы и чужих воспоминаний. Ульрих впервые подумал, что это могло быть западней. С другой стороны, у кладбища было всего два выхода и к ним обоим уже подбегали свои.

XXXIII.

Кладбище было идеальным местом для битвы. Лу деактивировала грим-брошь, погладила тяжело дышавшего Кармана и осмотрелась. Все приготовленные фокусы оставались на месте. Благодаря Гастону Лу и Арк знали, что у Иммануила осталось четырнадцать дееспособных миньонов, из которых четверо или пятеро непременно оставались охранять кирху. Оставшийся десяток будет нейтрализован расставленными и замаскированными ловушками, и Иммануил останется почти без армии.

На кладбище было абсолютно темно, поэтому Лу прикрыла глаза и стала слушать. И со стороны Паппельаллее, и со стороны Лихенерштрассе доносились возбужденные голоса. Еще немного – и они пойдут на штурм.

Чтобы слегка подстегнуть события, Лу достала из кармана зажигалку и кинула ее на пропитанную бензином землю, надеясь, что дождь не успел ничего смыть. Сердце у нее колотилось от возбуждения. Огонь моментально разбежался по нарисованным линиям, принимая форму неровной октаграммы, издали напоминающей портал в Изнанку. По задумке Аркадия, это должно было вынудить миньонов атаковать, не дожидаясь того, что из этой Изнанки вылезет.

Так и произошло. Миньоны затыкали в полыхающую октаграмму пальцами, возбуждение в их голосах усилилось. Обвесившись защитными полями, они медленно и неуверенно пошли в наступление. Разведенный Лу огонь был ярким, но локализованным и позволил девушке спрятаться в глубине кладбища, зато отлично освещал нападавших. Они зашли одновременно с обоих входов, двумя аккуратными вереницами. Это было разумно, поскольку минимизировало шансы попасться в напольные ловушки. Стоявшие сзади принялись тушить огонь, а передние рыскали фонарями и молниями по кустам в поисках Лу. Она не стала дожидаться, пока ее найдут, – насчитав на кладбище одиннадцать фигур, Лу приступила к следующей фазе. Мысленно потянувшись к Карману, она открыла Пасть. Все последние недели она работала над тем, чтобы песик полюбил ее и доверял ей, что было необходимым условием для их телепатической связи. Пурпурный портал Пасты раскрылся перед ней муаровым цветком. Неловко скрючившись, Лу полезла внутрь.

Несмотря на десятки тренировок, она так и не смогла привыкнуть к этому липкому, обволакивающему ощущению. Внутри Пасты было темно, тесно и как будто влажно, хотя никакой жидкости там быть не могло. Вероятно, это просто было игрой воображения Лу, вкупе с запахами, которые она иногда чувствовала внутри.

Когда-то в колледже она участвовала в эксперименте с депривацией чувств. Пребывание в Пасте чем-то напоминало эту спокойную, плавную нирвану – правда, с неземным душком. Не считая того, конечно, что их с Карманом в любую секунду могли найти и убить.

Здесь она была еще сильнее телепатически связана с собакой. Она могла читать его простые мысли, видеть его глазами. Она не управляла им, как марионеткой, но, скорее, могла намекать, подталкивать его в нужную сторону. Карман, прячась за бурной кладбищенской растительностью, пополз мимо осмелевших и рыскавших по парку миньонов. Его никто не видел или не обращал на него внимание. Все искали Арка.

Карман тихо-тихо вышел на Паппельаллее и отошел от входа на кладбище, Пасть раскрылась, и из нее выпала Лу. Она тяжело дышала, ее тошнило, надсадно болела голова. Но девушка попыталась взять себя в руки. Самым важным сейчас было активировать наложенные на кладбищенские ворота заклинания и запереть всех миньонов внутри. Она встала на ноги и обнаружила, что не одна. Вокруг стояли шесть фигур в длинных и очень знакомых ей балахонах. Но вместо лиц на нее смотрели оскалившиеся собачьи морды.

XXXIV.

Высокий человек без собаки вышел из темноты и дождя прямо ко входу в Иммануилкирхе. Одет он был в мокрое пальто, надетое поверх спортивной кофты с капюшоном. Лицо человека было в тени, но бывалый читатель уже понял, что это и есть настоящий Арк. Кирха была обнесена высокой кованой оградой, прутья которой напоминали мечи рукоятью вверх. Стояла необычная для этого часа ночи тишина. Окна в окрестных домах не горели. Лишь над входом в кирху мягким золотым светом тревожно мерцал церковный портал с изображением Спасителя.

Арк достал из кармана пальто Амулет Луизианы и приложил к воротам ограды. Те со скрипом отворились внутрь, и церковь сразу ожила. Внутри загорелись синие и белые огни, освещая улицу через высокие витражные окна, и статуя ангела под самой колокольной засияла. Из церкви вышли четверо. Они носили балахоны учеников, но в их манере держаться не хватало уверенности. На груди у всех четырех висели знакомые Арку Амулеты Верности. Это были не ученики, а миньоны – возможно, наиболее способные из всех, которых Иммануил срочно взял в обучение. Об этом Арк знал от Гастона. Знал он и о том, что Иммануил меньше всего хочет показать, как его боится.

Пришел черед Скарлетт.

Арк поднял руки вверх и произнес заклинание. Кольца на его руках – два гладких золотых на левой и одно с рубином на правой – вспыхнули ярким оранжевым пламенем. Следом за ними загорелись надписи "*Scarlett Johanssoon*". Они вспыхивали и на соседних домах, и на более дальних, и на самых окраинах зоны. Некоторые были начертаны крупно и отчетливо, некоторые прятались в малодоступных местах и вообще не бросались в глаза, но все они разгорались всё ярче и ярче, пока район Пренцлауэр-Берг, точнее, его принадлежавшая Иммануилу часть, не начал напоминать себя до Смещения, когда его ночные улицы были ярко освещены фонарями и витринами магазинов. Оранжевые струйки змеились по улицам, собирались в ручейки, а те объединялись в широкие реки. Поток силы ударил в Арка, и та же надпись, "*Scarlett Johanssoon*", каллиграфически нанесенная на его кофту, приняла его и передала владельцу. Его чуть было не подбросило вверх от распирающего чувства всемогущества и вседозволенности. Он вдруг почувствовал каждый дом, каждую надпись, с которой был соединен паводком силы, почувствовал себя большим раскинувшимся на целый район осьминогом. "А эти так чувствуют себя постоянно", – пронеслась у него в голове шальная мысль.

Миньоны начали шевелиться, и Арк ударил – рефлекторно, не раздумывая. Прежде чем первая молния успела сорваться с пальцев противников, кольца на его руках выпустили длинные полупрозрачные щупальца. Они обвилились вокруг Амулетов Верности миньонов и потянули их на Арка, со всей силы натягивая шнуры. Миньоны опешили, а их Амулеты вибрировали и искрились от колдовского напряжения. В каждом Амулете работала простая программа: если его хотят сорвать со шнура, нужно как можно сильнее сопротивляться. Все на секунду замерли. Арк держал миньонов за Амулеты, как опытный кучер четверку лошадей. Ноги его заскользили по земле, кольца на руках опасно нагрелись, и тогда он что есть мочи дернул, а потом отпустил. Резко, в одну секунду Амулеты Верности потеряли силу, которой так усердно сопротивлялись, и, подчиняясь теперь уже законам физики, полетели назад. Четыре жестяные квадратные таблички со страшной силой врезались в незащищенные шеи своих носителей. Двое полностью лишились голов и умерли сразу, паре других повезло чуть меньше. Четыре изуродованных тела упали на пол.

Арк еще раз потянулся к своему запасу силы, надпись "*Scarlett Johanssoon*" на его груди нестерпимо засияла, и он ударил по церковной двери, не сдерживаясь, наотмашь. Дверь со страшным треском слетела с петель и пролетела метра на три внутрь церкви. Статуя на крыше церкви расправила крылья, и лишь тогда Арк понял, что это совсем не статуя. Ангел грациозно спланировал вниз и тяжело

опустился на землю прямо перед ним, вытянувшись во весь свой трехметровый рост. Его глаза слепили золотым огнем. Так Арк впервые увидел Иммануила.

XXXV.

Это не входило в расчеты. Об этом даже не рассказал Гастон. То ли специально умолчал – и Лу снова почувствовала досаду, что не смогла отомстить ему сама, – то ли даже не знал об этом договоре с Лихтенхерцами. С другой стороны, она не хотела убивать именно миньонов Иммануила, хотя весь их с Аркадием план строился вокруг этого, а вот по поводу собачьих ублюдков сантиментов у Лу было гораздо меньше. Она выхватила револьвер и выстрелила в ближайшего, с мордой ротвейлера.

Пуля просвистела мимо, хундескопф отрывисто гавкнул. Лу с ужасом почувствовала, будто по ее телу ползут змеи. На самом деле ее ноги оплетали широкие кожаные ремни. Карман бешено зарычал и прыгнул на этого псоглавца, но тот просто отшвырнул его рукой. Собачка отлетела в сторону с жалобным писком. Ноги Лу оказались полностью связаны, она попыталась выстрелить еще, но хундескопф с головой овчарки дернул за один из ремней, и она с криком упала на пол. Шрам на лице горел. Она перевернулась и увидела склонившиеся над ней фигуры. Их было уже штук десять, псоглавцы и иммануиловцы вперемешку. Она узнала Павела, Фариду, Кристину, нескольких других. Ее бывшие товарищи бесстрастно наблюдали, как ремни стягивают ее руки и лишают возможности сопротивляться.

– Стойте, – сказала Лу, задыхаясь. – Подождите, вы не обязаны это делать. Вы можете... картина с двумя гвоздями, вы... можно снять Амулет, вы...

Взгляды людей, которых она считала друзьями, из-за которых она как-то раз поссорилась с Аркадием, ради которых и был придуман весь этот план с отвлечением внимания, оставались стеклянными. Они даже не выражали удивления по поводу того, что в большой тяжелой куртке оказался не Арк, а она.

Куртка ее и спасла. В самый последний момент, когда ремень уже плотно стягивал ее локти, Лу сумела вытянуть левую руку из рукава, и та осталась свободной. И всё это время, судорожно говоря бессмысленные слова, она пыталась дотянуться этой рукой до внутреннего кармана куртки. А когда дотянулась, то крепко сжала лежавшую там мельхиоровую десертную ложку.

Тело девушки выгнулось, и грудь ее будто разверзлась. Из нее, сверкая лиловыми, фиолетовыми и белыми всполохами, как бабочка из кокона, вылез Тараск. Он вываливал свое длинное массивное тело из отверстия в земле, где только что лежала Лу, разбрасывая во все стороны слизь и кислоту, исторгая ужасающие звуки и запахи, атакуя все имеющиеся чувства одновременно. Миньоны вперемешку с хундескопфами разлетелись в стороны, кто-то пытался убежать, кто-то валялся на землю, зажимая руками нос и уши. Тараск издал свой финальный рев и исчез, испарился в воздухе, оставив лишь бродившее по Паппельаллее эхо и подброшенные ветром листья. А с того места, откуда он появился, ничуть не смущенная произошедшим, поднималась на ноги Лу, сумевшая разрезать ремни. Старый торговец иллюзиями, продавший им грим-брошь, долго работал с Аркадием, стараясь придать Тараску реалистичность и необходимые эффекты.

Лу подбежала к скорчившемуся на земле Карману, открыла Пасть и достала оттуда несколько жезлов и самодельный огнемет, состоявший из монтажного пистолета и канистры с бензином. Очертив вокруг себя и песика огненный круг, Лу стабилизировала его электромагнитным полем, создав защитный купол огня. Пришедшие в себя первыми хундескопфы стали злобно ходить вокруг него, щелкать зубами и облизываться.

Это дало девушке возможность отдышаться, но не решило основной проблемы. Защитное поле не пробивалось молниями и фокусами псоглавцев, но силы Лу были не бездонными, а врагов оказалось очень много. Она лишь могла надеяться, что у Аркадия дела идут лучше, но Амулеты Верности иммануиловцев, очевидно, всё еще продолжали работать, и это пугало даже больше, чем ее собственная судьба. Именно поэтому, почувствовав легкую вибрацию трамвайных путей, проложенных на Паппельаллее, Лу не сразу осознала, что помощь пришла с неожиданной стороны. Окончательно она поняла, что случилось, когда знакомая ей дрезина со всего разгона влетела в строй окруживших ее говнюков и сукиных детей, и Ирджих, больше мира, страшнее Тараска, кинулся на ее защиту.

XXXVI.

Арк смотрел на массивного ангела снизу вверх – по-другому просто не получалось. Иммануил улыбался, спокойно, самодовольно. Внутри него бушевала сила, и ничто из того, что Арк выкачал из окрестных домов, не могло сравниться с накопленным годами. Иммануил мог раздавить Арка, как муравья. Но одна слабость, если верить Лу, у него все-таки была, и на эту слабость были поставлены успех всей операции и жизнь ее участников.

За спиной Иммануила виднелся меч. Гигантский, под стать хозяину, с пылающей рукоятью и ажурным навершием. Иммануил очень любил этот меч и никогда без него не показывался на публике. Единственное, что Лу никогда не видела, это как он им владеет, поскольку, даже если очень любишь это дело, крайне редко выпадает возможность воспользоваться гигантским мечом. Идея Лу заключалась в том, что Иммануил не устоит перед возможностью, как ребенок, помахать железякой. И чем больше Арк смотрел на крылатого гиганта перед собой, тем больше в ней сомневался. Но было поздно.

Арк коснулся ярко-оранжевого слова "*Johannsson*" на кофте. Надпись послушно откликнулась и словно вылупилась из ткани, стала трехмерной. Первые три буквы стали рукоятью с простой гардой из перекладины на букве **h**, а буквы **a**, **n**, **n**, **s**, **s**, **o**, **o** и **n** еще чуть выросли и склеились в угловатое, неуклюжее лезвие длиной в руку, сохранив при этом свою форму. Арк вызывающим жестом вытянул фамилию актрисы вперед и выкрикнул:

– Иммануил! Я, Аркадий Колесничий, вызываю тебя на дуэль до смерти, да поможет тебе бог!

Ангел расхохотался и выхватил свой меч. Он был роскошен. В полтора раза длиннее и в два раза шире, чем меч Арка, он пылал желтым и голубым пламенем, а по его лезвию – цельному и на вид крайне острому – вязью струились замысловатые надписи. Налитые пламенем глаза Иммануила выражали искренний восторг. Было видно, что он давно мечтал порубить этим прекрасным мечом что-то кроме колбасы.

– Я ПРИНИМАЮ ТВОЙ ВЫЗОВ, СМЕРТНЫЙ, – ответил он.

Арк ожидал более впечатляющего голоса, с какими-нибудь небесными обертонами или божественными компонентами. А голос был просто громким, да еще и подрагивал от возбуждения. Зато Арк оценил обращение "смертный".

Ангел нетерпеливо махнул своей железякой, и мечи скрестились. Огненное железо шириной в ладонь угодило между двух букв **s**. Сила удара была впечатляющая, рука Арка чуть онемела. Иммануил, как этого можно было ожидать от трехметрового бугая с крыльями, был крайне силен. Арк шагнул назад и контратаковал. Ангел отбил и сделал два молниеносных выпада. Меч ударял между **s** и **o**, между **n** и **s**, последний удар Арк отбил самым кончиком, и лезвие попало в выемку **n**. Рука Арка уже сильно болела. Спасало только то, что Иммануил, по всей видимости, не умел использовать какие-то сложные финты, а

просто рубил сплеча, надеясь победить голой силой. И у него, надо сказать, получалось. Законы физики, к сожалению, были на стороне трехметрового ангела. Он бил и бил, казалось, всё быстрее и сильнее, и Арк уже порой не успевал отбивать удары. Уголок второй буквы **д**, место, где **д** переходит в **н**, граница между **д** и **о** – всё это не подходило. Арк надеялся, что сможет корректировать свои контратаки по ходу дела, но скорость и мощь натиска ангела полностью исключали эту возможность. Наконец меч Иммануила попал куда надо – между двумя буквами **о**. Широкое лезвие не встретило привычного сопротивления, и мечи прошли сквозь друг друга. Арк был к этому готов и ушел в сторону, а Иммануил – нет, поэтому просто глупо смотрел, как самый кончик буквы **н** рассекает ему горло. Кровь – обычная, красная – брызнула на ступени кирхи. Ангел упал на колени, и глаза его наконец-то оказались вровень с глазами Арка. Лицо Иммануила выражало абсолютное удивление.

– Нигош, – быстро сказал Арк и помахал лезвием меча перед глазом ангела. – Где он? Как его вернуть? Скажи, и я сохраню тебе жизнь.

Ангел попытался что-то произнести, но слова перемешались с кровью, и до Арка донеслось только невнятное бульканье. Больше ничего не сказав, Иммануил повалился лицом вперед, и Арк еле успел отпрыгнуть. Он все-таки оказался не единственным смертным участником этой странной дуэли.

XXXVII.

Команда антикваров и Лу подъехали к кирхе на дрезине. Церковь уже не светилась сигнальными огнями и казалась мертвой, как и дома вокруг. На ступенях у входа рядом с трупом ангела сидел Аркадий. Он показался Лу маленьким и одиноким. Лу думала, что ей захочется пнуть труп Иммануила, выплеснуть куда-то копившуюся годами ненависть, но когда они подошли, это желание испарилось. Иммануила больше не было. Ненавидеть было некого. Это было тяжело перенести.

Веселился только один Пшигода. Он захлеб пересказывал историю, как ему удалось убедить Серба, что Арк в качестве соседа будет гораздо приятнее Иммануила, и шансов у них довольно много, как они ехали на помощь и увидели выпущенную Лу иллюзию Тараска, как стремительно разворачивалась битва с миньонами и хундескопфами и как в какой-то момент миньоны начали разбегаться, когда их Амулеты Верности перестали работать. Оставшиеся псоглавцы сдались и были с позором изгнаны из Пренцлауэр-Берга.

– Хундескопфы, – сказал Аркадий. – И у Башни были хундескопфы. Это не просто так. Мне нужно искать у Лихтенхерцев.

Оказалось, пока антиквары ехали к кирхе, Аркадий зашел внутрь и перерыл всё в личных покоях Иммануила в поисках хоть какой-то зацепки, где искать Хозяина. И не нашел ничего. Ни одного упоминания, ни малейшего намека. А сейчас Лу с досадой увидела, что в глазах Арка разгорался новый огонь – и тем ярче, чем больше он думал о Лихтенхерцах.

Пшигода позвал всех праздновать на Алекс, но Аркадий остался, а Лу поехала с ними. И напилась в тот вечер сильнее, чем рассчитывала.

Когда она вернулась, проспавшись на следующий день, Иммануилкирхе уже была другой. Исчезла окружавшая ее аура душного и мутного ужаса, и теперь она была просто церковью, одной из многих. Труп Иммануила превратился в золу и пепел. Изнутри церковь тоже изменилась. За ночь Аркадий открыл все витражные окна и пустил внутрь свет, и из мрачного, заполненного тенями и полутонами зала кирха превратилась в освещенное открытое пространство.

Когда Лу вошла туда, Аркадий как раз пытался двигать трон Иммануила. Карман копошился рядом. Трон был массивным, позолоченным, но на свету казался темным и каким-то прокопченным. Лу подошла к нему, думая, что сейчас будет прощаться.

– Молодец, что пришла, – сказал Аркадий. – У меня для тебя деловое предложение.

– Какое?

– Что ты чувствуешь?

Лу повела плечами и вдохнула побольше воздуха. Церковь была наполнена силой, и это уже была не сила Иммануила. Но и не сила Аркадия.

– Тут очень много энергии, – сказал Арк. – Я мог бы постепенно настроить всё под себя, научиться пользоваться ей в полной мере. Но мне кажется, тут хватит и на двоих. А мне очень нужен партнер. Что скажешь?

Лу, не до конца понимая, посмотрела на него.

– Наш стартап не может похвастаться отличными условиями. Будущее его туманно, и опасность поджидает на каждом шагу. Но зато я гарантирую быстрое продвижение по службе.

– А чем мы будем заниматься? – спросила Лу.

– Поиском, – глаза Аркадия на секунду потемнели. – Поиском людей и предметов.

Система, которую придумал Арк за ночь, расчищая церковь и сжигая труп прошлого ее владельца, была не нова, но в чем-то революционна. Вместо того чтобы захватить всю колдовскую силу себе, как поступали все колдуны до него, он предложил сделать что-то похожее на резервуар, доступ к которому будут иметь несколько человек. И помимо защиты для местных жителей они будут оказывать услуги другим колдунам. Или кому угодно, способному заплатить. Таким образом Аркадий хотел выйти из цикла всеобщей конкуренции и борьбы за место и получить более широкий доступ ко всему городу.

– Нас будут бояться и уважать, – сказал он. – Мы только что убили великого колдуна.

– Не имея и десятой доли его силы, – согласилась Лу. – А сейчас его сила у нас. Это и предупреждение...

– ...и реклама.

В течение нескольких месяцев они готовились. Перенимали силу кирхи, меняли ее под себя. Ставили собственную защиту, нанимали людей, пару раз пришлось отбиваться от чрезмерно любопытных соседей. Девушку полностью захватила возможность строить что-то абсолютно новое. Кроме того, она оказалась довольно сильной и способной колдуньей. Аркадий тоже отложил поиски Нигоша и атаку на Лихтенхерцев. Он много платил за любую информацию о них или о Музейном острове, но, к радости Лу, не посвящал этому всё свое время.

Однажды, морозным февральским днем, по Пренцлауэр-аллее, раскидывая во все стороны зеленый и бирюзовый снег, проехала настоящая машина. Лу не видела такие уже лет десять – бензин был дорог и в основном использовался для отопления. Машина остановилась у кирхи, и из нее вышла молодая светловолосая женщина в длинном изящном пальто. Она буквально лучилась от колдовской силы. Секунду посмотрев на кирху, женщина подошла к входу и постучала в дверь. Лу открыла.

– Доброе утро, – сказала гостя, ослепительно улыбнувшись. – Меня зовут Доротея Лихтенхерц.